

А. Гасанов

Беспонтовый

рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь, сборник №2

Алик Гасанов

**Беспонтовый. Рассказы о жизни,
про жизнь и за жизнь, сборник №2**

«Издательские решения»

Гасанов А.

Беспонтовый. Рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь, сборник №2
/ А. Гасанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838938-2

Малая проза, рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь. Юмор, соцреализм, воспоминания об армии, детстве и о разном. Короткое чтение.

ISBN 978-5-44-838938-2

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Апрель	6
Yelloy box	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Беспонтовый Рассказы о жизни, про жизнь и за жизнь, сборник №2

Алик Гасанов

© Алик Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4483-8938-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апрель

... – Нет, нет и ещё раз нет!, – стуча по воображаемому столу чистым сухим кулачком, Сергей Витальевич окончательно выходит из себя, – Что вы возомнили о себе, уважаемый Емельян Семёныч? Вы что же теперь – политолог?

Шумно набрав воздуха носом, Сергей Витальевич задохнулся от возмущения:

– Как можете вы – человек с багажом в шесть десятков лет, рассуждать так чудовищно дилетантски и, вместе с тем претендуя на авторитетность мнения, о вещах, в которых, как я вижу, вы совершенно не смыслите?! Со-вер-шен-но!!..

Запахнув, словно плащ, не по размеру большую пижаму, Сергей Витальевич встал перед лавочкой, и свысока посмотрел на собеседника:

– Ваши доводы абсурдны – раз! Не имеют под собой ни малейшей исторической, а тем более документальной трактовки – два!, и просто оскорбительны для меня, как для... гм..., – сжав губы, подбирает слово, – как для гражданина и патриота, в конце концов!.. Вы отдаёте себе отчёт, что ваши аморальные рассуждения в принципе извращают нашу историю?!..

...Удобно откинувшись на рельеф спинки и положив обе руки на плешь, Емельян Семёныч улыбается и с удовольствием смотрит на друга:

– Прекратите! Сергей Витальевич, прекратите, я прошу вас. Моя аргументация почерпнута из более авторитетных источников, уж поверьте, милейший! И тем паче мне странно видеть вашу реакцию, как оппонента, уважаемый вы мой! Отвергая очевидные тенденциозные трактовки, вы, дорогой мой, подходите к данной тематике сугубо амбициозно и болезненно, к вящему моему сожалению. И если вы, всё же потрудитесь выслушать мою точку зрения, версию так сказать, построенную на куда уж более сведущих источниках, чем мы с вами, я, возможно, смогу пошатнуть вашу версию статус кво!.. Да-с!..

Но Сергей Витальевич не в силах более слышать это!

Нервно вскакивает он перед лавочкой, делает большой вдох неба, и выпускает воздух трубочкой. Намотав на руку пижаму, словно тогу, он демонстративно садится, закидывая костлявую ногу на ногу:

– Ну-с... Я весь внимание!.. Прошу-с!..

– Полно вам обижаться, коллега, – Емельян Семёнович замечает, что вскакивания друга привлекли внимание санитаров во флигеле, и берёт на пол тона ниже:

– Я отлично вас понимаю, дорогой вы мой спорщик, милый мой дружище! Я тоже русский человек. Такой же патриот!.. Или, по крайней мере, тот, кто считает себя таковым... – старик торопливо и примирительно кладёт руку на плечо собеседника, заметив, что тот вновь порывается вскочить, – и мне!.. И мне так же трудно и подчас больно рассуждать на темы столь... гм... деликатного, в эстетическом что ли, плане... напрямую связанные с весьма весомым в любом смысле периодом моей личной жизни. Периодом истории страны, без которой я не смыслю своего существования. Страны моей!.. Нашей! Успокойтесь, я прошу вас. Дайте мне высказаться. Будем же честными до конца! Я осмелюсь цитировать вашего же горячо любимого Владимира Ильича: «Наша сила в правде!»..

– «... в заявлении правды!», – взвизгивает тот, но его прерывают:

– Хорошо, хорошо! «В заявлении правды!» И поэтому мы с вами постараемся быть честными до конца: Вплоть до начала первой мировой войны большевистская партия не имела и не могла иметь в силу ряда причин какой-либо значимой силовой структурной мощи для планомерного, я бы сказал последовательно-разумного переворота. Так? И власть была захвачена сугубо экстремистскими, случайными, если хотите, мотивациями! Так? И ваш Ленин должен был быть благодарен Первой Мировой, как ни парадоксально это! Если быть принципиальным до конца – захватывать-то было, в сущности неЧего! Ни на что не способное бутафорское пра-

вительство – раз!, утопические, если ни сказать шулерские лозунги о свободе и земле – два!.. Успокойтесь, коллега! Что вы всё время вскакиваете? А в-третьих, германские... Садитесь, садитесь, я вам говорю! Германские...

– О чём!!?... – Сергей Витальевич вырывает руку, и остервенело подпрыгивает, беззвучно топая ногой, – О чём вы говорите?! Емельян Семёныч, я совершенно отказываюсь это слышать!, – не замечая, как из флигеля быстро идут санитары, Сергей Витальевич делает два шага назад, шаг вперёд и закрывает ладонями уши, —Вы отдаёте себе отчёт, что с вашими суждениями мы зайдём с вами, в свою очередь, в совершенно сектантскую глумливую по своей удобоваримости и ханжеству концепцию, столь сладострастно смакуемую вашими западными советологами?! Вы опять начитались Каутского?

Емельян Семёныч не отвечает, опасливо наблюдая, как два санитаря, приближаясь на ходу, повернули головы на голос из окна ординаторской:

– Вася! Губера в процедурный!

Один из санитаров кивнул и ускорил шаг.

Подойдя сзади к Сергею Витальевичу, стоящему в позе Сократа, он взял его под локоть:

– Пойдём. Врач пришёл.

Сергей Витальевич, пытаясь развернуться, делает шаг назад и теряет левый тапочек.

Почувствовав почему-то намёк на сопротивление, Вася грубо дёргает старика за рукав и строго предупреждает:

– Пойдём, говорю!..

– Тапочек...

Но Губера уже развернули и под руки повели, ускоряя шаг, в здание.

Емельян Семёныч проводил их печальным взглядом и устался на сиротливый тапочек.

...В процедурном главврач тихо отругал Васю:

– Ну зачем же так тащить? Отпустите! Он, что, сопротивлялся, что ли? Откуда в вас эта грубость? Он же упасть может, отпустите немедленно!

Пока Губера усаживали на кушетку напротив, врач протёр очки, и отправил санитаров прочь, поджав недовольно губы.

Больной понимающе вздохнул:

– Вы совершенно правы, Игорь Палыч. Совершенно! Василий очень грубый тип. Я не медик, но всё же считаю, что подобной рьяностью некоторые... э... из персонала не совсем положительно влияют на психику в целом и моральный климат в лечебнице...

Посидели. Посверлили глазами. Врач кивнул, и ассистентка тоже вышла. Сделав отметку в журнале, Игорь Палыч сложил пальцы в замок:

– Как вы себя чувствуете, Сергей Витальевич?

Губер заёрзал и близоруко прищурился:

– В каком смысле, виноват?..

– Почему вы уже дважды отказались от обеда?

– Гм..., – краснеет и ёрзает.

– Вам не нравится рисовая каша?

– Ну нет, ну... Почему же...

За окном слышен голос Васи:

– Заходим! Заходим! Ко мне подходим! Карманы к досмотру.

– Вам не нравится рисовая каша?

– Доктор, – очень осторожно вздыхает Сергей Витальевич, – я взрослый человек. Объявлять голодовку я не собираюсь. Тем более, что это глупо. Просто сегодня я совершенно не голоден. И я не думаю, что один приём пищи, пропущенный мною, может как-то повлиять... э-э...

– Сергей Витальевич, вы ведь знаете наши правила?..

– Да, да. Знаю, – больной виновато помолчал, но всё же тихо заметил:

– Но я же не нарушаю режима? Больничного...

Игорь Палыч сухо хрустнул сильными пальцами и посмотрел на полированные ногти:

– Отказ от приёма пищи является злостным нарушением больничного режима. И может повлечь за собой вынужденные меры. Вы понимаете?..

...Спустя десять минут, привязанный простынёй за ноги к ножкам стула, а за руки за спинкой, Губер красный от гнева и крика наблюдал за приготовлениями санитаров:

– Это бесчеловечно! Развяжите немедленно!.. Варварство какое-то!.. Что вы собираетесь делать!?

Вася вкатил тележку и снял крышку огромной кастрюли. Смазав глицерином шланг, он на глаз отмерял шлангом расстояние от носа больного до его пупка.

– Что вы собираетесь делать, я вас спрашиваю, товарищ?!!

Второй санитар, подойдя к Сергею Витальевичу сзади, крепко прижал голову больного в запрокинутом положении к высокой спинке и зафиксировал лоб ремнями.

Сергей Витальевич взвизгнул ещё громче:

– Что вы собираетесь делать, я вас спрашиваю?!!

Не обращая на него внимания, Вася бронзовой ладонью сильно надавил на челюсть Сергея Витальевича и, до предела раскрыв тому рот, прочно закрепил в зубах овальную чёрную резиновую пробку с отверстием посередине, вытащить которую изо рта без помощи рук не представлялось возможным.

– У-ху-ху-хи-хие-хе-хе!!!?, – закричал Сергей Витальевич через дырку, брызгая слюной на Васю. Санитар обошёл Губера и, ухватив его за подбородок, ввёл жёсткий мундштук шланга в отверстие пробки, быстрыми толчками засовывая резину глубже и глубже. Сергей Витальевич взвыл, выбрасывая слюни носом, и заплакал, с ужасом глядя на красного Васю.

Пройдя через горло и больно ткнув в трахею, шланг миновал пищевод и, не обращая внимания на рвотные судороги, упёрся во что-то в районе желудка. Набрав в ковшик жидкой остывшей каши, Вася поднял конец шланга над головой больного, приладил к шлангу воронку и стал потихоньку лить. Когда шланг набрался полный, Вася снял воронку и, брезгливо оттерев отверстие, дунул в него, проталкивая кашу.

...Слёзы брызгали из глаз Сергея Витальевича. Не в силах сопротивляться, задушенный своим бессилием и ужасом унижения, он лишь тонко выли и мелко тряс головой.

Сбитая с толку гортань, безуспешно пытаясь вытолкнуть инородное тело, ходила ходуном вверх-вниз, выстреливая при вдохе из носа липкую молочную струю попеременно с Васиным воздухом и редкими зёрнами риса.

На втором ковшике раздавленный и смирившийся, Сергей Витальевич лишь тихо подвывал, глядя в потолок и обливаясь слезами, стараясь не давиться так мучительно.

...Быстро и легко вынутый шланг оставил после себя неприятную сосущую боль. Потный Вася облегчённо вздохнул и улыбнулся примирительно:

– Ну вот и всё!.. А ты говоришь – «купаться». Чё, будем ещё доктору стучать?

*****

Ангела.

...Как-то случилось мне свалиться с гриппом чёрти-где, вдали от дома, где-то проездом в Астраханской области в сыкотном ветреном апреле. Нет, я болею крайне редко, «на ногах», как говорится, но если заболел, то хана. В лёжку дня на три, под сорок, с ночными кошмарами. А тут, надо же!.. Проездом где-то в Нижних Едренях, я вдруг понял, что надо полежать пару дней, а то сдохну где-нибудь под Элистой. С трудом оттянув пружину двери, я вошёл в треснувшее поперёк здание, напоминающее амбар, с яркой вывеской «*Hotel Paradis Nizhnie Ebonya*». Разбуженная мною вахтёрша вскрикнула, вызвав у меня микроинсульт, и переkre-

стилась, пояснив, что в гостинице всего два номера, и я могу взять только номер VIP (потому что он с окном!), так как номер «не-VIP» – забит гвоздями. Разбираться я ни стал и поплёлся в VIP. В номере действительно было одно окно, двуспальная кровать, стул и шифоньер. Больше всего меня потряс шифоньер. Огромная трапециевидная конструкция сотрясалась и угрожающе кренилась от моей ходьбы по полу, угрожая упасть, но самое потрясающее было внутри. Открыв дверцы, я замер потрясённый – внутри шифоньера не было ничего! То есть, абсолютно ничего. Ни полка, ни вешалок, ни трубы для вешалок, ни крючков, ни чего!.. Только пустая бутылка из-под водки. Сил не было, и я решил, что убью администратора завтра. Сев на кровать, я мысленно поблагодарил Создателя, за то, что не сел на стул, так как увидел, что у стула только три ноги. Подперев стул к стене, я постелил на него газету (благодатная привычка с молодости – брать в дорогу пару газет, хвала Господу), выложил недоеденное в поезде, выпил стакан водки, заставляя себя закусывать окаменевшим пирожком. Сразу как-то потеплело. Ни чё, живём!.. Но спать, видимо, придётся одетым.

У меня очень чуткий сон. Часто это изнуряет. Нет, это неплохо, когда ты слышишь, как кто-то поднимается по лестнице, проходит мимо двери. Но слышать, как в замок с хрустом вставляется ключ этажом ниже... Автоматически посмотрел на часы – полночь. Отлично! Пропал часов 5 – и не замёрз!.. Всё-же ботинки надо было снять... Теперь можно. Лёжа прислушиваюсь, что меня разбудило? Со стороны окна слышится движение. Кто-то явно подтягивается на жестяном карнизике. Ин-нтересно... Медленно встаю в темноте, беру в руки стул, отхожу в угол окна. Постучали пальцами по стеклу. Ин-н-нтересненько... Беззвучно приближаюсь, тихо открываю задвижку, отхожу. Окно толкнули и обеими руками повисли на раме. Отхожу ещё дальше в угол. В фрамугу, с трудом, на пузе, чертыхаясь и сопя, вползает что-то косматое. По причёске и запаху вижу – вроде бы девушка. Инти-ре...

– Не включайте свет!, – весело шепчет незнакомка, – я Ангела, ик! Здраст... Тфу, ёп!.. Ой!, —

далее следует звук падения, словно с подоконника сбросили мешок со свежей рыбой. Ангела встаёт, тихонько матерится, смеясь, оправляет мини-юбку:

– Здравствуйте. Вам женщина нужна?

Колоссальный по колориту запах наполняет морозный воздух моего VIP-а. Безбожный перегар, одобренный девичьим потом, густо и бездарно замаскирован косметикой. Я поднимаю брови – показалось, что ли? Нет. Не показалось – от неё действительно пахнет говном. Ангела понимающе хихикнула и согнув толстую ляжку, словно в «чарльстоне», осмотрела подошву:

– Тфу, блин. На говно наступила!..

Откровенно толстая, ярко рыжая, размалёванная девка лет двадцати, в роккерской куртке и ссадиной в дырке на белой коленке.

Не в силах разговаривать, я улыбаюсь вежливо и молча, отрицательно качаю головой, приглашая Анжелу к двери.

– А пиво есть?

Качаю интенсивнее, открываю дверь, приглашая Анжелу выйти.

– Козёл...

Больше Ангела не приходила, а я так и уехал больной...

****

Yelloy box

...По коридору всё время тянется такая звонкая тишина, что если не производить каждые две-три минуты какой-либо шум (не скрипнуть кроватью, или не зашуршать жёсткой, словно фанера, простынёй) эта тишина, набирая обороты от монотонного шипения, переходит к такому грохоту в ушах, что страх постепенно наваливается и задерживает дыхание, сдавливая сверху, и прижимая тебя к железной сетке кровати. Из-за боязни именно этого страха, и слышатся сквозь сотни раз окрашенные решётки дверных проёмов, что выводят в прохладный лабиринт коридора, звуки из невидимых мною соседних палат.

Справа тихо, но твёрдо кашляют, слева истерично заёрзают сеткой. Через минуту, словно по очерёдной договорённости, громко и будто безмятежно вздохну, и тут же вздохну ещё раз, потому что получилось тихо, и, скорее всего, соседи не расслышали. С тревожным удивлением отмечаю, что красиво и сильно вздохнуть тело не в состоянии, и непонятный, не осмысливаемый физически объём времени изнурительно пытаюсь решить вопрос: как же в следующий раз произвести звук? Шлепком о тумбочку якобы прочитанной книги? Равнодушно-ленивым «э-хэ-хэ-хэ-хэ!..»? Сама палата, решётка, оконная рама, тумбочка, плинтус и шляпки гвоздей в плинтусе, всё покрыто толстой глазурью краски, зализано хлорными тряпками, затёрто обысками. На решётке слой, словно красили её не кистью, а опускали целиком в огромную ёмкость, а потом густой краске дали стекать. Петли претёрты временем, и ходят они беззвучно, лишь засов и внутренний замок решётки лязгают так, что эхо ещё долго потом мечется между жёлтых стен, лает в голове, заставляя втягивать шею глубоко в солнечное сплетение. Но эти режущие звуки – ничто, в сравнении с колёсиком. Каждые четыре часа тихо и неизбежно сквозь решётку палаты липко втекает страх. Незаметно впитываясь в голову, он солёно ворочает языком, с трудом отлепляя его от нёба, заполняет тело необъяснимой тоской и отчаянием. Придавливает к кровати, всыпая в тело горячие, пыльные и солёные зёрна, забивая рот, уши, голову дребезгом капающих звуков, булькающих и множимых в черепе, искажаемых, нескончаемых, бесконечных, липких, липких... Лёгкие тяжёлые. Лёгкие дышат, сердце бьётся, кровь бьёт в таз, словно из шприца, журчит в ушах, щиплет сухие глаза, смятые неродные веки. В коридоре птичкой поёт колёсико: «Уик! Уик!» К палате подводят хлипкую глазурную тележку в три яруса, накрытую квадратным накрахмаленным чехольчиком под размер. Всем достанется! Не спешите так. На тележке в дрожащих позванивающих рядах стеклянных напёрстков наболтана тёплая солёная гадость. Будто жёлтую солёную ягоду разжевали, но передумали, и сплюнули в мочу. Две таблетки, ещё одна длинная, колбасного цвета, а сверху горькая, аж не смешно, болтушка в напёрстке... Проглотил, открыл рот, оттянув пальцами щёки, показал строгому санитару язык, свободен. Он выжидает минуту, пристально и мудро наблюдает. Строгий. Уик! Уик! Дальше по коридору. Тихо и деликатно. Медик. Как твои пальцы мне в рот поместились? Таблетки растворились не полностью, и глубоко за щекой жгут горьким творожком измученную десну. Выметая этот творожок сухим языком, вытираю губы уголком простыни, так как слюну выжать не удастся. Колбаска тоже плохо растворяется, но спрятать её во рту не получится. Обязательно цокнет по зубам, словно карамелька, выдаст. И стойкий, ни чем не пробиваемый вкус её, одуряющий своей горечью, словно хина, пропитает голову, и уже через минуту ни каких запахов и вкусов, кроме неё, кажется ты и не почувствуешь уже никогда. Терпеливо жду стервятников. Что принесут они сегодня, клиенты мои?

... – Ж-жах! Жаж!.., – засов лязгает неожиданно. Он не предупреждает брэнчанием связки ключей, потому что её нет. К решётке подходят лишь с одним божеством – длинным ключом на верёвочной петле, в которую ушком вдет линолеумный квадратик с синей чернильной цифрой «11». Решётка дрожит, предвкушая, хвостом виляет, облизываясь перед хозяи-

ном, скользит дугой, и, дрожа, замирает у стены. Одна птица остаётся в проёме, третья входит первой, за ней вторая. Белые птицы. Уже неделю... А может две... Чёрт его знает...

Привычно отыскав взглядом кисти моих рук, Куралай убеждается в безопасности, и садится на край кровати. Полная, удивительно смуглая, белый халат, серьги красивые с рубинами. И зря ты так коротко острижена... Сначала даже оторопь берёт: зачем при такой широкой физиономии – такая короткая стрижка? Но... несомненно начальство. Большая разница в сравнении с этими... Повелителями колёсиков. На пальцах золото, губы в помаде, ногти стерильные. Сидит, а они стоят. Глаз не отводят. Вот попробуй сейчас тронь её. Просто в шутку ткни пальцем под ребро. Разорвут. Даже она остановить не успеет.

... – Ну? Как мы сегодня?, – золото ледяное, – Как головка у нас? Температура? Умница какой. Лекарство пьёшь? А? Как мы?

Не уходи ради бога! Посиди еще пять минут. И руку не убирай с моего лба. Вместе с Куралай в палату влетело что-то незаметное, но хорошее и доброе, аж глаза заслезились. Запах!

– На уисэ ошъ?, – солёный язык почти не работает, но Куралай отлично всё понимает.

– Да. На улице дождь. Откуда знаешь?

Умная баба. Стаж, не шутка... Двое напряглись, переглянулись, успокоили друг-друга взглядами. У Васи кулаки красные. Зуб золотой круглый не по размеру. Рот плохо закрывается. На зубах никотина жменя. Роба красная на фоне халата пылает, как пожарная машина.

Пока добрая Куралай слушает мой пульс, наслаждаюсь запахом дождевой воды от её тапочек.

...В конце коридора, за последней локальной решёткой – обитая жестью глазурная дверь. Под нею бетонная плита крыльца. Направо, вдоль облупленной побелки стены – узкая дорожка. Поворот ещё раз направо мимо маленького, заросшего виноградом флигеля, где ночами курит Вася. Дальше бетонная прогулочная с сеткой. Двадцать на двадцать. Дальше и чуть левее – бетонная тропка, украшенная клумбами побеленных автопокрышек с торчащими из них сухими ветками. Тропка ведёт к крошечному домику у ворот вдоль белого забора с колючей проволокой. В домике у окна круглые сутки курит грустный сержант. Вот именно у двери этого домика, на том месте, где когда-то лежала железная банзайка, чтобы оттирать от грязи обувь, и есть та квадратная лужа, в которой я давно уже промочил тогда обе ноги, и из которой теперь на тапочках Куралай принесла в палату этот чудный запах. В грязной лужице чуть колышутся несколько сухих листков карагача, пара сержантских спичек и разбухший фильтр от сигареты «Космос». Вся эта смесь легонько пахнула сквозь мощную стену болтушки, и наполнила палату тоскливым счастьем. Почти люблю тебя, Куралай!..

– Не будешь кушать – через шланг будешь.

Где вы, кольца золотые?..

Внутри горячего черепа солёные капли капают в темноту, идут по её поверхности бледно-зелёными кругами, перемешиваются, проходя сквозь друг-друга.

– Хочешь шланг? Хочешь?

Голос мягкий, тёплый. Вася ближе подошёл. Запахло женской грудью и розовой пудрой. Это он санитаркин халат надел.

– Хочешь?

– Эт.

– А почему не кушал? Надо кушать. Все кушал, а ты не кушал. Нельзя не кушать. Смотри, какая хорошая кушать.

Под воротником у Васи застиранные пятна крови. Одно маленькое, одно большое. Маленькое круглое. А большое кривое, как сапог. Эт я его вчера... Головой... На что-то похоже. На что?

– Я главврач скажу, что ты не кушал.

Зелёные круги на чёрной смоле гудят, жирно плаваются, бегут к потолку в угол, там красиво преломляются, ползут, слабея и утоньшаясь по стене, уже совсем незаметные, застиранные, о плинтус плещут, на линолеум стекают. На Каспийское море похоже, вот на что. Почему под воротником? Из носа, наверное.

– Скажу главврач?

– Эт.

– А почему не кушал?

– Ихашу.

– Надо кушать! Надо!.. Не будешь кушать – через шланг будешь.

Куралай поднимает лицо на Васю:

– Вася, где шланг?

...Самым страшным является то, что этот тупой и добросовестный человек свято верит в медицинскую необходимость всех этих мерзких и тошных процедур. Этой скотской кормёжки, необходимости бриться с холодной водой тупым лезвием раз в неделю, и остального всего... Ты сам-то знаешь, как это больно, когда насильно бреют с холодной мыльной водой, пахнувшей мокрым венником, тупым ржавым лезвием раз в неделю? А голым ты в ванне пустой сидел, держась за края? Этим помазком можно глаза выколоть, гад! И не это страшно! Страшно то, что ты, хочу я, или «ихашу», всё равно выволочешь меня из палаты, обхватив сзади, словно связанный матрас, побежишь, сопя, и, вталкивая в тёмную душевую, обязательно дашь коленом под зад, хоть я совсем и не борюсь с тобой. Пока ты держишь меня, Вася сдерёт с меня пижаму, и бережно, словно невесту, положит в ледяную ванну. Пока ты держишь меня, он брезгливо набултыхает в помятой кружке рыжую пену, небрежно измажет ею, и, крепко держа то за одно, то за другое ухо, громко побреет, ошпарит шутя холодной водой, оденет, и погонит, словно корову на базар, пиная то меня под зад, то мои тапочки поочерёдно по полу...

– Вася, отпусти его! Ты видишь – он безумный. Немедленный отпусти!

Я поворачиваюсь:

– «Безумный», говоришь?..

А я вижу, как в это же время, наперекор спокойного течения Тибра, змеей огибающего с севера Ватиканское поле, мимо садов цезаря в сторону Рима медленно двигалась армада. Триста быстроходных боевых галер, трубя вестовыми медными трубами, угрожая нерасторопным рыбакам и зевакам по обе стороны реки, возвещали о приближении триремы императора Тиберия. Двадцать два огромных, сияющих на солнце золотым убранством судна, ошестиненные лучниками и копьями солдат в лазоревых туниках, сопровождали гигантскую квинкверему старого прицепса, которая из дали напоминала голову золотого льва, украшенную красными лентами, наводящую суеверный ужас на рабов и жителей пригорода. Движимый против реки усилиями тысяч рабов, рядами закованных на пяти уровнях в кедровых недрах, корабль являл собой отдельный неведомый мир, мир из невысказанной роскоши, величия, страха и жестокости... Цаммм!.. Скрежет. Цаммм!.. Так бьётся сердце исполинского корабля.

...В передней части обоих бортов возле сторожевых башенок вниз ведут крепкие ступени. Счастье тебе, ведомый по ним, вернуться обратно! Ты пройдёшь в низкую нишу, и закружит тебя тесная винтовая лестница. Ниже... Ниже... На одном из пяти ярусов палуб мрачный солдат подтолкнёт тебя рукою в сторону – туда! И пройдёшь ты от лестницы в сторону, зайдя в жаркий и тёмный проём, и с непривычки обязательно схватишься за стену. Все хватаются. Нет, ты не падаешь. И корабль не накренился внезапно. Скрипящий пол длинного прохода вдоль стены тоже абсолютно ровный. Это чёрные лавки поперёк стенки борта, отдаляясь от вёсельных окон, постепенно задираются ступеньками к потолку, и ты невольно теряешь равновесие. На каждой такой ступени сидит один из восемнадцати прикованных гребцов. Голова ближнего к окошку находится на уровне босых ступней последнего, восемнадцатого. Вся группа на лавке держит за скобы гигантское весло, выходящее в окно, и крутит его по кругу.

К лицу, вниз по груди к коленям, вверх от себя... К лицу, вниз по груди к коленям... По проходам ходят двадцать надсмотрщиков с плетями. Они громко покрикивают иногда на гребцов, угрожая и посвистывая плетью, изредка бросая ищущий взгляд в начало прохода. Там, озаряемый тонким лучиком света, в скрипучем кресле сидит изнемогающий от жары и скуки солдат. Потерев сильной рукой глаза, он приближает лицо к подлокотнику, хмурит брови, таращится, пытаясь рассмотреть что-то мелкое.

... – Что там у него?

– Сними цепь. Пойди посмотри...

– Шутник...

...Тонкая, еле заметная в душном мраке струйка муравьёв беззвучно сочится, блестя натруженными спинами сквозь щель в полу, по ножке кресла, вдоль подлокотника на спинку, и далее по стене куда-то вверх, в темноту закопчённого потолка. Откуда они взялись? Корабль третий месяц идёт по реке... Удивительно...

Солдат с тоской и презрением смотрит то в ближнее окно на воду, то в синхронное движение небольших флажков на торцах рукояток вёсел. Вижу, вижу!.. Задрожал флажок, замешкался, сбил ритм... Надсмотрщик спешит вдоль лавок, размахивает плетью сбоку, старается. Получай, лентяй!.. Опять размахивается. Не ты?.. Ну, тогда и ты, и сосед твой, получайте оба! Надсмотрщик старается, кричит, поглядывая украдкой на солдата в проходе. На обладание плети много желающих. Ох, и бдительно будет следить за твоею работой новичок! Умело сложает он твои пальцы о железную скобу, и будешь ты, негодный к работе, проткнутый мечом, выброшен прямо в твоё же окно. Скатайся ты вниз по вёслам, хватаясь руками, в живительную прохладу, и долго ещё будешь плыть в потоке за кораблём, оставляя кровавый след в бурной пасти Тибра. Так что бей на выдох, чтобы застонали под ударом, подтвердили твоё мастерство. А не то солдат поманит таких же как и ты, троих. Схватят тебя, наденут резво кольцо на ногу, и пойдёт солдат по проходу, разминая затёкшую спину, выбирая замену тебе.

...Над потолком прохода на коротких цепях висит длинная медная кишка, проходящая над гребцами, соединённая перемышками сквозь пол с такими же медными полосами на каждом гребном ярусе с обоих бортов. Где-то на палубе, в небольшой каморке ближе к самой корме, под рулевыми мачтами, сидит счастливчик, в обязанности которого входит непрерывно бить по гнутой головке медной кишки железным пестом. Ударил, и пауза в девять секунд. Звук вибрирует по пластине, бежит по медной звонкой кишке вниз, убегая по ярусам. Цаммм!.. Вёсла дрожат в бурлящей воде. Цаммм!.. Вёсла медленно поднимаются вверх. И так часами, пока медь не стихнет, и лоснящиеся от пота и жира подёнщики не побегут торопливо по проходам, гремя горшками с варёными овощами. Ешь, гребец! Заработал!..

На прямоугольном возвышении кормы квинкверемы, в окружении свиты, префектов и жрецов, на тяжёлом, почти полностью отлитом из золота октафоре, в ушитой жемчугом тоге, сияет золотым венцом император. Утомлённый и напуганный ненавидными лицемерами, хвалителями и певцами, специальным эдиктом он запретил под страхом смерти приближаться к нему на расстояние крика. И рядом теперь у его ног разрешено быть лишь врачу Хари-клу-греку, преданному астрологу Фрасиллу, и кинику по имени Дахак, рабу из Персии, привезённому с острова Родос. Но ближе всех к прицепу совсем не человек. Двухметровая толстая, одуряющая от избытка цыплят, старая змея Глосса. Совершенно белая, потная, с выпученными бледно-зелёными глазами без зрачков на маленькой острой головке с загнутой кверху мордой. Глоссу боятся, ненавидят, ею брезгают до дрожи, и боготворят, как самого Императора Тиберия.

По настоятельной просьбе Верховного понтифика, располагавшиеся под первой палубой двадцать жрецов-фламингов и сотня гадателей уже запели свои призывные песни, расставив клетки жертвенных птиц, амфоры, чаши и кадиланицы пред алтарями. Девы-весталки, храни-

тельницы неугасимого огня, преклонили колени, серой безропотной стайкой окружив алтарь Юпитера, стройным пением возвещая небеса о жертвоприношении.

На обширном возвышении, прямо перед гахабусом понтифика, несколько авгуров, запрокинув головы, высматривают в небе птиц, по полёту определяя знаки знамений. Некоторые из жрецов, желая удостовериться лично в правильности знаков, бережно вынимали из клеток голубей и цыплят, кормили их с рук, внимательно наблюдая за поведением птиц. Чуть поодаль наголо стриженный гаруспик также выводил у птицы расположение богов. Держа цыплёнка спиной на ладонях, жрец задумчиво ощупывал его, запуская пальцы в перья, под крылья, мычал, поглядывая на небо. Потом он садился на корточки, и, держа птицу за вытянутое крыло, осторожно наступал босой ногой на другое. Подняв свободной рукой кривой серп жреческого ножа с круглой рукоятью, гаруспик под трепыхание птицы просил милости у Юпитера, посвящая жертву мудрости бога. Затем, раздвинув перья, он делал медленный разрез, окунал пальцы в небольшую глиняную чашу с маслом, и с хрустом запускал пальцы в чрево птицы. Там, в горячих судорогах угасающей пульсирующей жизни, настойчивые пальцы сосредоточенно ощупывали внутренности, раздвигая и разрывая плоть, поглаживали трепещущее сердце. Нашупав печень, жрец осторожно подтягивал её наружу, и, умело прокрутив, передавливал ногтями слюдяные спайки, отрывая печень от птицы. Поднеся кровавый сгусток к глазам, жрец растирал печень пальцами, нюхал и рассматривал её на свет. Как порой пугала меня эта радость в глазах безумца! В раздвоенной книзу печени птицы он видел добрый знак, и спешил сообщить об этом! Ты ли это был, Тиберий?

...Друга радушно зови на обед, ни когда же недруга!..

Прежде всего угости, кто живёт по-соседству с тобою!, – запел стихи высокий актёр, выходя вперёд, и воздавая руки в сторону императора, —

– В горе домашнем сосед твой появится быстро на помощь!

Он подойдёт в чём одет! А родной ещё будет подвязывать пояс!

Сколько лукавый сосед тебе вреден, столько полезен!

Счастлив лишь тот, кому таковой достанется!

Как он к тебе справедлив, так и ему воздай ты!

А если можешь – воздай ты ему пощеднее!

Чтобы на случай нужды – был он готов на услуги!..

В то время, когда прицепс, плохо скрывающий страх и злобу, страдая язвенной болезнью, мрачно наблюдал за приготовлениями авгуров, Дахак, поигрывая полой грязной туники в такт струнам золотых кифар и свисту флейт, злорадно наблюдал за песнопением актёров. Последние месяцы бесконечных философских споров с Тиберием, в коих они оба находили удовольствие, сделали своё дело. Презирующий роскошь и удобства киник с едкой усмешкой принял вчера очередное своё наказание – его посадили на цепь, и теперь он всякий раз поигрывал этой цепью, всем видом показывая, что она его забавляет. Витеевато, но разумно доказав императору, что прозвище «Пёс» не оскорбляет раба, Дахак немедленно был закован в железный ошейник, и сидел теперь у ног охранника, приводившего его на цепи для бесед с прицепсом. И теперь, чем старательнее актёры разыгрывали сцену на бессмертные стихи Орфея, тем заметнее мрачнел, наливаясь злобой, дряхлеющий император...

... – Другу ты не предпочти даже кровного брата!

Ибо то сердцу его причинило б смертельную рану.

Речью лукавой его не обманывай! Если ж

Ссору он первый речами недобрыми начал,

Мсти за себя ты вдвойне! Пожелает же вновь подружиться,

Будет готов справедливо вернуть всё обратно —

Ты принимай его, чтобы с другим не сошёлся он другом!

И об обиде ты словом ему не напомни!..

*В бедности, сердце терзающей не упрекни его!
Знай, и она ведь богами дарована тоже!..*

... – Прочь!, – не выдерживает повелитель, и солдаты, ломая мелодию гимна, уже бегут разгонять толпу перепуганных и размалёванных актёров и певцов. Задействованный в сцене спектакля конь, запряжённый в боевую колесницу, встал на дыбы, и золочённая тренога кадилницы, изображающая вулкан, падает в глубине сцены, рассыпает пылающие угли, и актёры бегут по ним босыми ногами, вопя и стеная. Кто-то завизжал...

Довольно потирая руки, Дахак ждёт вопросов:

– Dominus уже не благосклонен к греческим поэтам?

Предчувствуя неизбежно язвительную и часто обидную развязку беседы с проклятым киником, единственным интересным собеседником своим, Тиберий молчит.

– Ты ли это, Dominus? Тиберий Цезарь, нелюбимый за ум и скромность, сын квестора Нерона?.., – Дахак сладко выпучил глаза, ядовито кланяясь, – Отпрыск славного рода Клавдиев! Нет-нет!, – подлый раб кривляется, припадая на колено перед рядом охранников, словно доказывая им противное, – Нет! Ни того плебейского рода, что знаменит был скорняжным и кузнечным ремеслом! Нет!.. Он славного патрицианского семени Клавдиев, взявшего своё начало из сабинского городка Региллы, по воле Тита Тация – соправителя Ромулла, принятого в число патрициан!..

Наблюдая, как порозовели щёки старика, Дахак знает, что старый развратник млеет от злобы, наблюдая за ним, и продолжает лить сладкую желчь:

– Ты ли это? Сопровождаемый толпой прожорливых клиентов*, славный твой род принял от Рима плодородное поле у Аниена, что выше впадает в грозный Тибр. Ты ли, Тиберий, пасынок божественного Августа, первый из правителей Рима! Кто презирает угодливость, кто ценит терпение, честь, бережливость? Тиберий-строитель! Поборник добродетели, выгнавший чуму!.. Сколько казнённых тобою сегодня сбросили в Тибр? Крючьями сколько сегодня протаскают с холма Гемонии? Кто ускользнул от тебя, мой учитель, сегодня от пыток? Сколько сегодня сгноить ты, отправив в эргастул? Тиберий, девственниц чьи палачи растлевают на глазах у отцов перед казнью?..

И Тиберий с трудом сдерживал себя, чтобы не избавить коварного раба смертью. Нет! Он будет сильнее подлого киника. Это всего лишь раб. Глупый, злобный, циничный раб!

...Одетый в длинный, до самых пят, хитон, однако не скрывающий потрясающей худобы, верховный жрец, походивший на живого скелета, подошёл и смиренно замер, достойно ожидая своей очереди. Его обтянутый прозрачной кожей череп, блестящий на солнце, словно насаженный на жердь, спокойно уставил два копыта глаз на Тиберия, на Глоссу, и обратно. Изнурённая цыплятами, змея заливалась слезами на жаре, тяжело дыша в корзине с вензелями.

... – Что говорят твои птицы, Ацерроний?

Тот еле заметно поклонился:

– Великому прицепсу будет угодно услышать результаты предсказания лично, или может...

– Говори!, – зло перебивает его Тиберий, не отводя глаз от страданий Глоссы, – Или ты думаешь, нас могут подслушать?

Плотная охрана, свита с опахалами, десять актёров, танцовщицы, врачи, виночерпии и ещё двадцать человек непонятно кого задышали через нос, не понимая, шутка это, или нет?

Скелет выждал сонную паузу, и громко проговорил:

– Богам не угодно твоё возвращение в Рим сегодня!, – Глосса мучительно стукнула головой о край корзины, пытаясь выдавить из себя птицу, – Всё говорит о нерасположении...

В этот миг с правого борта закричали:

– Смотрите!.. Смотрите! О, боги!..

...В вечернем тёплом закате, из самой высокой точки Рима, между редких сахарных облаков упруго разогнулся вверх огромный столб серого дыма. Надувшись гигантской пунцовой пиявкой, свирепо поведя голову, почти прозрачный в остове колосс мягко переломился пополам, и, не теряя формы, чудовищным змеем пополз по городским улицам триб. Жарко шипя, словно выдыхая, касаясь земли и зданий, он обогнул храм Венеры, тяжело врезался в камни Палатина, и рассыпался на куски, но вновь сформировался стремительно, и длинным облаком заюлил между мраморных колонн храма Кастора, стальным хвостом своим сломав последнюю из них пополам. Темнея и набирая скорость, змей вращался, поднимаясь вверх, замирал на мгновение, и с рёвом полз на юго-восток, прямо на корабли Тиберия. Армада завизжала. С кораблей посыпались люди. Бешено и напрасно кричали вестовые трубы. С левого борта галера ударила вдруг носом в корму второй квинкверемы, хрустнула и загорелась. В потемневшем жёлтом воздухе над поверхностью реки завибрировала смесь визга, грохота и барабанной дроби. Мачта тяжело шлёпнула по воде, накрывая горящими парусами солдат и отплывающие лодки. По реке плыли лошади.

И в этой тёмной воде тысячи казнённых ранее, стащенных на петле по Лестнице рыданий, крючьями сброшенных в Тибр, плыли к кораблю. Загребая ломанными пыткой руками, безумно выкатывая белые глаза свои, черпая воду оскаленными ртами, они приближались быстро, и хватали гнилыми руками вёсла, пытаясь забраться выше, и оставляя кожу и волосы на бортах корабля, ползли наверх, падали, сдирая когти, скрежеща зубами, и завывая в мольбе: Тиберий!.. Тиберий!..

С дрожащим гулом смерч проползал над Тибром, сжимаясь в шар, и с треском молний метнулся дальше.

Я отчётливо видел, как он, мгновенно достигнув острова Капри, гулко ударил в башню маяка, и разбил его в пыль.

...Спустя час у берега уже плавала корзина, и в ней кверху брюхом лежала дохлая Глосса, облепленная муравьями.

И засыпая, император видел так же отчётливо, как на тупой плоской вершине невысокого холма непрочно установили три грубооструганных столба с перекладинами, и поперёк них за тощие локти были привязаны три тела. Сквозь ладони к перекладинам и в стопы на подставках все трое были прибиты длинными плотницкими гвоздями. Почти касаясь ногами земли, несчастные замерли в бешеном своём танце, словно подняв брёвна над головами. В десятке метров от столбов, ниже у подножья горы, солдаты жарили на огне мясо и тихо переговаривались.

– «Безумный», говоришь?, – неслышно усмехнулся ещё живой один из танцоров, – Где вы.... Где вы, кольца золотые...

Я видел.

— — — — —

клиент* – в Риме так называли бродячих попрошайек, восхваляющих хозяина дома за угощение.

*****

Акция.

...Жестокость, я заметил, всегда была присуща и человеку, и женщинам...

Ещё будучи тридцатилетним не целованным юнцом, я ни раз убеждался, что женщины созданы в противовес моей добродетели и скромности. Всякий раз, наивно полагаясь на здравый разум, я неизбежно попадаюсь на их очередную злую шутку из раздела «открой рот, закрой глаза!» И если раньше подлые обманщицы ограничивались куриной какашкой или дохлым

жуком, теперь изощрённость их злых утех вышла на изуверский уровень.... Возле супермаркета меня остановила стайка девушек-студенток:

– Уррра!.. Вы у нас десятитысячный посетитель!, – тормозят меня ароматные красавицы, а одна просто повисла на шее, – Вы выиграли главный приз!.. Как вас зовут?, – орут влюблённо, фамилию мою в какой-то бланк записывают.

Я оторопел... Напор и всеобщее бурное веселье меня опьянили и лишили чувства опасности. И не мудрено. Словно в корзинку с цветами меня мордой окунули.

... – Я сейчас объясню вам правила получения приза! Меня Оксаной зовут. Здравствуйте!..

И под щебетание и смех, Оксана объяснила мне, что я – юбилейный посетитель супермаркета, и что они проводят акцию, а я не мог оторвать глаз от её груди под узкой курточкой, и краснел.

– По условиям акции, – тархтела милая Оксана, периодически шикая на смеющихся девчонок, – Вам, уважаемый Алик, э... предоставляется право совершить бесплатную покупку в данном магазине!.. Всё, что вы успеете вынести из магазина за одну минуту – всё для вас будет бесплатно! Вам понятно?.. Всё что вы успеете вывезти на корзинке. Понятно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.